

## ЖАЛКАЯ СУДЬБА

### ОТНОШЕНИЕ К ЭМИГРАНТАМ В МАНЬЧЖОУ-ГО (1932—1945 гг.)



**Елена Евлампиевна АУРИЛЕНЕ**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Хабаровского военного института ФПС РФ.

После Октябрьской революции и гражданской войны в России свою судьбу с Китаем связали около 125000 россиян, из них около 60000 чел. обрели убежище в Маньчжурии<sup>1</sup>. Независимо от социальной, национальной и политической принадлежности большинство эмигрантов оказались в тяжелых условиях существования. Никакие титулы и звания не могли гарантировать благополучие человеку без Родины: «Нам нечем дышать! У нас нет возможности кричать о своем несчастье, — писал в 1929 г. неизвестный автор на страницах шанхайского журнала «Воскресенье». — Кто не знает, что большинство русских людей за границей влачит жалкое существование белых рабов... Гибнут и умирают тысячи и только единицы сравнительно сносно устраиваются... С нами совершенно не считается власть тех народов, среди которых мы живем»<sup>2</sup>.

В отличие от Европы и Америки, где статус эмигранта определялся паспортом Нансена, дальневосточные эмигранты после известного постановления советской власти оказались людьми вне закона. Со временем в Китае были введены эмигрантские паспорта, но процедура их оформления требовала материальных затрат, что при крайне низком уровне жизни основной массы изгоев революции создавало значительные трудности. В Маньчжурии беженцы селились главным образом в полосе отчуждения КВЖД, где удельный вес русского населения среди местных жителей был достаточно высок. Психологически это значительно облегчало процесс адаптации эмигрантов в стране с чуждой восточной культурой, но не решало их главных проблем, таких, как нищета, безработица, политическое и юридическое бесправие. Положение осложнялось напряженной внутривосточной ситуацией в Китае. С середины 20-х годов полуколонизаторскую страну сотрясали революционные бури и междоусобные войны гоминьдановских генералов. Противостояние враждовавших политиков порождало в стране хаос и произвол. Властитель Маньчжурии Чжан Цзолин и пришедший к власти после его убийства Чжан Сюэлян были слишком заняты политической борьбой, чтобы обращать внимание на проблемы русской эмиграции.

Ее положение осложнялось также противоречиями многочисленных политических группировок и их лидеров за первенство внутри российской диаспоры. Разногласия, выливающиеся в откровенную вражду, способствовали расколу русской колонии, отвлекали наиболее активную ее часть от решения насущных проблем выживания и сохранения национально-культурной целостности.

С сентября 1931 г. в судьбе российской эмиграции в Маньчжурии намечился новый поворот: Япония начала оккупацию Северо-Восточного Китая, а 1 марта 1932 г. объявила о создании на завоеванной территории «независимого» государства Маньчжоу-Го. Перед лицом мировой общественности факт возникновения нового государства японские власти объяснили необходимостью построения буфера против распространения «красной опасности» на востоке. На самом деле оккупация Маньчжурии и появление марионеточного государства на ее территории, как известно, стали началом реализации японской геополитики. В ее основу был положен принцип «Ван-Дао» («Императорский путь»), провозгласивший Японию «первым государством на земле», а японцев — «единственной божественной нацией на земле»<sup>3</sup>. Именно этой нации согласно принципу «Ван-Дао» было «предопределено» господствовать над всеми остальными народами. И со временем вся планета будет представлять собой «Весь мир под одной кровлей» (Хакко Итиу). Маньчжурия стала своеобразной репетицией «общего дома» для пестрой в национальном отношении страны.

В декларации о создании Маньчжоу-Го новая власть заявила о своей лояльности ко всем нациям, включая эмигрантов: «Не только народности ханьская, маньчжурская, монгольская, ниппонская и корейская, но и другие иностранцы, которые намерены жить в новом государстве продолжительное время, могут пользоваться равными привилегиями, все их права будут защищены...»<sup>4</sup>. Особый интерес для новых хозяев Маньчжурии представляла русская эмиграция, о защите прав которой неустанно заявляли официальные лица из японской военной миссии. О симпатиях и сочувствии к россиянам, покинувшим Родину из-за непримиримости к коммунизму, говорили генералы Квантунской армии, кое-кто из которых был хорошо знаком с Россией. Официальные средства массовой информации на русском языке обещали эмигрантам скорое возвращение на Родину, так как, мол, советский режим, являющийся оплотом мирового коммунизма, скоро падет под ударами доблестной японской армии.

Если декларация стала основой официальной национальной политики властей Маньчжоу-Го, то инструментом этой политики явилась созданная в июле 1932 г. организация Кио-Ва-Кай — своеобразная государственная партия, по организации, содержанию и методам работы напоминавшая коммунистическую партию в СССР и фашистскую партию в Италии или Германии. Кио-Ва-Кай (Се-Хэ-Хой) называла себя неонацистской организацией, имея в виду свое стремление объединить все население Маньчжурии на единой идеологической платформе и направить его усилия на реализацию колониальных планов японской военщины: «Вместо отдельных народов, отдельных организаций будет единая мощная организация с едиными мыслями и идеями — только тогда можно будет начать борьбу с мировым коммунизмом и довести ее до победного конца»<sup>5</sup>. Постепенно отделения центрального штаба Кио-Ва-Кай распространились по всей стране, охватив своей деятельностью даже детей школьного возраста: возникли детские и юношеские организации — Сионэндан и Сейнэндан. Любопытно отметить, что первоначально Кио-Ва-Кай замышлялась как многонациональная организация, единая для всех крупных и мелких национальных групп населения Маньчжоу-Го.

Однако позднее для русских власти сделали исключение: появилась русская организация Кио-Ва-Кай. В центральном штабе Кио-Ва-Кай был организован особый русский отдел, целью деятельности которого являлась идеологическая обработка русской эмиграции. В официальной печати начальник отдела Р. Като объяснял причину его создания необходимостью «...изучить жизнь эмиграции, чтобы русские нигде и ни в чем не были умалены в своих правах...»<sup>6</sup>. Задачей русского отдела стало осуществление связи между русским

населением и другими народами страны. Отметим, что чиновники Кио-Ва-Кай действительно оказывали поддержку эмигрантам в решении тех или иных проблем. Однако главная задача особого отдела заключалась в убеждении русских изгнанников в том, что их судьба отныне связана с Маньчжоу-Го<sup>7</sup>, а значит — и с Японией. Этим положением определялась линия поведения русского населения Маньчжурии: покончив с разногласиями и распылением сил, добиться единодушной поддержки политики правительства и активного участия в ее реализации.

Покончить с разногласиями и распылением сил внутри русской колонии оказалось не просто. Этим вопросом занялись могущественные организации — японский разведывательный отдел и японская жандармерия. Пытаясь объединить эмиграцию вокруг какой-либо авторитетной политической русской группировки, японцы делали ставку на союз монархистов-легитимистов, российскую фашистскую партию, союз казаков на Дальнем Востоке. Однако очень скоро стала очевидной бесплодность попыток ликвидировать политические разногласия и личные амбиции руководителей этих организаций, и власти вынуждены были изменить тактику своих действий. Японцы решили создать новую политическую структуру — эмигрантский центр, который должен был подчинить себе все существующие эмигрантские группы, союзы и партии. С этой целью в Харбине открыли филиал японской профашистской организации «Великояпонский союз справедливости» («Дайнихон сейгидан»).

Русский отдел «Дайнихон сейгидан» открылся в марте 1934 г. под названием «Русское национальное объединение борьбы за правду». Однако уже в середине 1934 г. и эта инициатива властей провалилась. Измученные ежедневной борьбой за выживание эмигранты остались равнодушными к призывам политиков, а последние так и не смогли преодолеть идеологические разногласия и отказаться от претензий на лидерство внутри диаспоры. Аналогичным образом закончились объединительные усилия «снизу». По инициативе харбинской общественности общеэмигрантским центром пытались сделать Русское общество в Маньчжурии и Монголии, Русское демократическое объединение, Харбинский комитет помощи русским беженцам и другие организации. В деле сплочения эмигрантов старались сыграть свою роль и русская православная церковь, и видные представители эмигрантской интеллигенции...

В конечном счете проблему сплочения российской эмиграции в единое целое решили все-таки оккупационные власти. 28 декабря 1934 г. было создано Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ). В положении о деятельности этого учреждения говорилось: «Бюро по делам российских эмигрантов является административным органом этого государства», и в его функции входит «...руководство во всех отношениях общественной деятельностью различных эмигрантских организаций и отдельных эмигрантов, защита их правовых, экономических и культурных интересов, согласование и урегулирование вопросов, возникающих между отдельными лицами и различными организациями, ведение статистического учета эмигрантского населения»<sup>8</sup>. Регистрация в бюро была обязательной для всех эмигрантов, не перешедших в подданство Маньчжоу-Го. Не желавших признавать бюро как общеэмигрантский центр депортировали за пределы Маньчжурии. На 15 декабря 1935 г. на учете в бюро персонально состояли 23500 человек в возрасте от 17 лет и старше и 163 эмигрантские организации<sup>9</sup>. На 1 октября 1942 г., по статистическим сведениям Главного бюро<sup>10</sup>, в Харбине были зарегистрированы 36711 и за его пределами — 22998 эмигрантов<sup>11</sup>.

В аппарате бюро работали переселенческий, культурно-просветительный, административный, финансово-хозяйственный, благотворительный и железно-

дорожный отделы. Со временем его структура усложнилась: изменились количество и названия отделов, появились подотделы, на местах открылись отделения, представительства ГБРЭМа, а также районные бюро. С октября 1935 г. начал функционировать арбитражный суд при бюро, в сферу деятельности которого входило разрешение споров, возникавших между эмигрантами. Правовыми вопросами занимался также юридический отдел бюро, ставший со временем подотделом административного отдела.

Особое внимание японцы уделяли подбору кадров для бюро. Все претенденты на работу в его аппарате проходили тщательную проверку на политическую и уголовную благонадежность. Все четыре начальника БРЭМ (позднее — ГБРЭМ) были генералами, участниками Белого движения: В.В. Рычков, А.П. Бакшеев, В.А. Кислицин и Л.Ф. Власьевский. На протяжении всех десяти лет существования бюро самые важные посты в БРЭМе занимали члены русской фашистской партии (РФП, а позднее — ВФП — Всероссийская фашистская партия, РФС — Российский фашистский союз). «Вождь» русских дальневосточных фашистов К.В. Родзаевский руководил идеологической и культурно-просветительской работой, М.А. Матковский — один из тех, кто стоял у истоков РФП — возглавлял административный отдел, являвшийся основным инструментом контроля над эмигрантами. И тот, и другой в начале 40-х годов находились соответственно на постах первого и второго заместителей начальника ГБРЭМа. Заметим, что с первых и до последних дней своего существования бюро находилось в полной зависимости от японцев и облегчало оккупационным властям осуществлять контроль над эмигрантской массой. С другой стороны, этот общеэмигрантский центр стал гарантом национального единства русской колонии, обеспечивал ее жизнедеятельность.

Усиление внимания японских властей к русской эмиграции отмечено с 1936 г. в связи с заключением германо-итало-японского антикоминтерновского пакта. Русский отдел Кио-Ва-Кай развернул активную деятельность по созданию сети школ японского языка и вовлечению в эти школы эмигрантского населения. Постепенно изучение японского языка стало обязательным. Участились поездки экскурсионных групп в Японию для изучения японского образа жизни. На страницах эмигрантской прессы ежедневно публиковались материалы в антисоветском и антикоммунистическом духе.

В феврале 1939 г. император Маньчжоу-Го объявил о присоединении государства к антикоминтерновскому пакту. По этому поводу в Харбине в здании Железнодорожного собрания власти организовали торжественный митинг для русского населения (аналогичные собрания прошли во всех уголках Маньчжурии, где проживало русское население). Высокопоставленные представители японских властей, БРЭМа и других организаций призывали эмигрантов прочувствовать важность момента и доказать свою благодарную преданность государству, давшему им возможность развивать свою национальную культуру и предоставившему права, равные со всеми остальными народами, проживающими на территории Маньчжоу-Го. Участникам собрания в очередной раз напомнили о том, что именно коммунисты стали причиной социальной катастрофы, разразившейся в России в 1917 г., и долг каждого эмигранта — внести личный вклад в дело уничтожения мирового коммунизма.

Несмотря на мощную пропагандистскую кампанию, состояние духа российской эмиграции, видимо, оставляло желать лучшего. Особую тревогу вызывала молодежь, которая знала о революции и гражданской войне лишь по рассказам отцов и со страниц эмигрантских изданий. В целях воспитания молодежи власти рекомендовали бюро найти образец для подражания, героя, который сможет стать символом борьбы за спасение Родины от коммунизма.

Идеологическая машина Бюро «произвела» такого героя на свет без особого затруднения. Волею трагического случая им стал М.А. Натаров, погибший под Номонганом в августе 1939 г. от осколка бомбы, сброшенной с советского самолета. Похороны юноши были превращены в политическую акцию с участием всех эмигрантских организаций, включая общеобразовательные. 7 ноября 1939 г. на его могиле был заложен памятник борцам с Коминтерном, а день похорон — 27 августа — стал ежегодным Днем памяти. В календаре Маньчжоу-Го значился официальный праздник — День антикоминтерна, отмечаемый 1 мая.

В июле 1937 г. начался новый этап японской агрессии в Восточной Азии. Под прикрытием все того же лозунга борьбы с Коминтерном Япония развязала войну против Китая. В апреле 1940 г. император Маньчжоу-Го объявил о введении в стране всеобщей воинской повинности<sup>12</sup>, а в декабре «даровал» манифест о поддержке союзной японской армии. И вновь русские эмигранты почувствовали на себе особое внимание японских властей: им была «дарована» возможность проходить службу в специальных русских воинских подразделениях, называвшихся «русскими воинскими отрядами армии Маньчжоу-Го». В 1943 г. на территории Маньчжурии действовало уже три таких отряда: на ст. Сунгари-2, на ст. Ханьдаохэцзы и в районе Хайлара. По некоторым данным, их численность составляла около 200—300 чел.<sup>13</sup> Во главе отрядов стояли бывшие участники Белого движения полковник Я.Я. Смирнов (Сунгарийский отряд), майор А.Н. Гукаев (Ханьдаохэцзский отряд), войсковой старшина И.А. Пешков (Хайларский казачий отряд). Личный состав носил униформу армии Маньчжоу-Го со значком, на котором были представлены цвета российского национального флага, и жил по уставу Российской императорской армии. Служба в отрядах длилась до 1,5 лет, а окончившие ее зачислялись в воинский резерв. Официальная пресса преподносила воинскую службу русской молодежи как акт высшего доверия властей к эмигрантам, стимулирующий их к «предельному выполнению долга перед второй родиной»<sup>14</sup>. Анализ брэмовских материалов по военно-воспитательной работе свидетельствует о том, что рвения к службе в военных формированиях эмигрантская молодежь не проявила. «Высокое доверие» властей пришлось реализовывать силой: служба в воинских отрядах стала обязательной для всех эмигрантов призывного возраста, а уклонение от нее могло закончиться подвалами японской жандармерии.

В феврале 1942 г. русские эмигранты были впервые приглашены к участию во всеманьчжурском съезде Кио-Ва-Кай, на котором присутствовали 300 делегатов, а также дипломаты Японии, Германии и Италии. Подобные съезды в Маньчжоу-Го всегда проходили под газетную шумиху и бравурные речи руководителей всех рангов. Особый авторитет и значение съезда Кио-Ва-Кай подчеркивались присутствием на нем императора. Российскую эмиграцию на этом «высоком собрании» представляли М.А. Матковский и Н.П. Кобцев. Обращает на себя внимание тот факт, что эмигрантские делегаты были не только допущены к выступлениям, но и говорили на родном языке (был приглашен специальный переводчик). Более того, по свидетельству Н.П. Кобцева, им было «...уделено даже несколько большее внимание в силу той благожелательности, с какой было принято съездом участие в нем русских делегатов»<sup>15</sup>. Официальная печать обратила внимание читателей на факт присутствия эмигрантов на форуме, увидев в нем подтверждение того, что русские являются «полноправными гражданами великой страны»<sup>16</sup>. Со своей стороны представители эмигрантской общественности в публичных выступлениях и на страницах прессы заявляли, что нигде в мире эмигрантам не живется так счастливо, как в Маньчжоу-Го<sup>17</sup>.



Совершенно очевидно, что подобные заявления явно преувеличены: оккупационные власти слышали в свой адрес то, что хотели слышать. И все же доля истины в них есть. Только в Маньчжоу-Го существовал российский общеэмигрантский административный орган, вокруг которого была организована жизнь колонии. По сути дела БРЭМ выполнял функции эмигрантского правительства и, находясь в жестких рамках оккупационного режима, будучи полностью зависимым от этого режима, обеспечивал, насколько это было возможно, интересы диаспоры, способствовал сохранению русской культуры и воспитанию молодого поколения эмигрантов в национальном духе. Следует отметить, что слово «русский» использовалось в Маньчжурии для обозначения всей российской эмиграции, независимо от национального происхождения. Равные возможности для развития национальной культуры получили украинцы, грузины, евреи и другие выходцы из бывшей Российской империи. Японцы отличались веротерпимостью, и в Маньчжоу-Го наряду с типичными восточными религиями мирно сосуществовали православие, католицизм, иудаизм, ислам и т.д. В официальных документах подчеркивалось, что все российские национальные группы объединены вокруг бюро на равных основаниях. Самые крупные из них имели национальные организации: Украинская национальная колония, Национальный совет евреев Восточной Азии, Грузинская национальная колония, Национальное армянское общество, Тюрко-татарская духовная и национальная община. Даже в тяжелое для Японии военное время власти выделяли средства, хотя и скудные, для экономических и культурных нужд эмигрантов, на благотворительную деятельность.

В феврале 1943 г. харбинская газета «Время» опубликовала так называемые «Генеральные тезисы деятельности Кио-Ва-Кай», суть которых сводилась к формулировке задач, стоявших перед основными национальными группами, составлявшими население Китая. Любопытно, что среди пяти основных групп населения наряду с японцами, корейцами, маньчжурами и монголами были названы и русские. Пункт 10 «Генеральных тезисов» гласил: «Русские обязаны стать лояльными подданными Маньчжоу-Го, изучать nipпонский (японский) язык, повышать свою профессиональную квалификацию и стабилизировать свою экономическую жизнь»<sup>18</sup>. Обращает на себя внимание и тот факт, что среди названных народов японцы стоят на первом плане, зато отсутствует ханьская народность<sup>19</sup>. Не совсем ясно, что стоит за фразой «русские обязаны стать лояльными подданными Маньчжоу-Го». Возможно, слово «подданный» несет здесь не юридический, а эмоционально-идеологический смысл. Однако не исключен и другой вариант: в условиях наметившегося коренного перелома на советско-германском фронте власти почувствовали необходимость юридически привязать эмигрантов к марионеточному государству. В пользу последнего варианта говорит тот факт, что в 1943 г. властные prerogatives ГБРЭМа были сокращены, бюро стало «вспомогательным органом административного аппарата Маньчжоу-Го»<sup>20</sup>.

Не подлежит сомнению тот факт, что национальная политика японских оккупационных властей в Маньчжоу-Го имела четко выраженное направление: обеспечить лояльность и участие всего населения марионеточного государства в реализации планов превращения Маньчжурии в военно-сырьевую базу для продолжения японской агрессии в Юго-Восточной Азии и на территории Советского Союза. В отношении русской эмиграции японцы ставили следующие вполне конкретные задачи:

превратить российскую колонию в своего надежного союзника в предстоящей войне с СССР; использовать русские военизированные формирования в столкновении с СССР, а после победы задействовать эмигрантов во властных

структурах на оккупированной территории; опираясь на антисоветские и антикоммунистические настроения эмиграции, вовлечь ее в идеологическую борьбу с мировым коммунизмом.

Для решения поставленных задач власти Маньчжоу-Го делали все возможное, чтобы завоевать симпатии русского населения. Этим объясняется подчеркнута внимательное отношение к эмигрантским проблемам, внешнее проявление уважения к российской культуре, России в целом. Как отмечалось выше, в Маньчжурии русская диаспора получила несравненно больше возможностей для сохранения этнокультурной целостности и развития национальной культуры, чем в других странах. Насколько это возможно при оккупационном режиме, были созданы условия для просвещения эмигрантской молодежи: организовывались творческие вечера, гастрольные поездки актеров и музыкантов по стране и в Японию, поддерживалась деятельность различных художественных коллективов, отпускались средства на содержание русских театральных трупп, отдельных талантливых представителей российской диаспоры.

Создавая условия для сохранения и развития духовных национальных традиций России, японцы невольно способствовали патриотическому воспитанию эмигрантской молодежи, что в конечном итоге предредило крах идеологической машины Маньчжоу-Го в ее стремлении превратить эмигрантов в благодарных и послушных союзников властей в борьбе с СССР. Особенно ярко это проявилось в годы Великой Отечественной войны Советского Союза с Германией и Японией, которую, несмотря на пропагандистские атаки официальной печати, большая часть эмиграции восприняла как свою национальную трагедию.

<sup>1</sup> ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.218. Л.1.

<sup>2</sup> Воскресение: Лит.-худ. сборник. Шанхай, 1929. №1. С.4.

<sup>3</sup> Белоусов С. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока. 1991. №5. С.136.

<sup>4</sup> Огуси М. Сборник законов и распоряжений Маньчжоу-Ди-Го на русском языке. Харбин, 1935. Вып.1. С.5.

<sup>5</sup> Сборник Кио-Ва-Кай. Харбин, 1939. №3. С.6.

<sup>6</sup> Там же. Июль. С.16.

<sup>7</sup> С 1 марта 1934 г. государство стало империей — Маньчжоу-Ди-Го.

<sup>8</sup> ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.1. Л.1.

<sup>9</sup> Там же. Д.2. Л.42.

<sup>10</sup> С разветвлением структуры Харбинское Бюро стало Главным Бюро.

<sup>11</sup> ГАХК. Ф.830. Оп.1. Д.119. Л.44.

<sup>12</sup> До этого момента функцию «защитников» Маньчжоу-Ди-Го выполняла Квантунская армия.

<sup>13</sup> ГАХК. Ф.849. Оп.1. Д.23. Л.18.

<sup>14</sup> Время. Харбин, 1943. 3 дек.

<sup>15</sup> Сборник Кио-Ва-Кай. Харбин, 1942. №31. С.41.

<sup>16</sup> Там же.

<sup>17</sup> Там же. С.42.

<sup>18</sup> Время. Харбин, 1943. 27 февр.

<sup>19</sup> 1 марта 1932 г. так называемая «национальная формула» выглядела так: ханьская народность, маньчжуры, монголы, японцы, корейцы.

<sup>20</sup> ГАЗК. Ф.830. Оп.1. Д.189. Л.5.

**SUMMARY.** The article by Candidate of Historical Sciences E.Aurilene «A Miserable Fate» tells about the attitude of the authority of Manchokuo towards the Russian emigrants in 1932—1945. The Shanghai magazine «Sunday» wrote about it then: «...Most Russians abroad grag out a miserable existance of «white slaves». And the author of the article while basing on figures and facts testifies to the truth of these words. At the same time E.Aurilene tells about great efforts the emigrants made in their strive to survive and keep their culture.